

УДК 94 (476)

Анастасия Алексеевна Мордвилко

аспирант 4-го года обучения каф. истории Беларуси

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anastasia Mardvilka

4-th Year Postgraduate Student of the Department of General History

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: nastyaln@yandex.by

МИГРАЦИЯ: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В 1939–1941 гг.

Дана характеристика трансформации межнациональных и межконфессиональных отношений в западнобелорусском регионе под воздействием миграционных процессов, проходивших в 1939–1941 гг., в результате которых польское присутствие, преобладавшее до 1939 г. в западной части Беларуси, сменилось усилением белорусского и русского. На этнополитические процессы в западных областях Беларуси оказывали влияние осадники – лояльные к властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности, и «восточники» – советские и партийные служащие, направленные сюда на работу. Произошла трансформация не только межнациональных, но и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: западнобелорусский регион, миграция, депортация, беженцы, осадники, «восточники», межнациональные отношения, межконфессиональные отношения.

Migration: Inter-Ethnic and Inter-Faith Relations in the Western Belarusian Region in 1939–1941

This article provides a description of the transformation of interethnic and interfaith relations in the Western Belarusian region under the influence of migration processes that took place in 1939–1941, as a result of which the Polish presence, which prevailed in the western part of Belarus until 1939, was replaced by the strengthening of the Belarusian and Russian ones. Ethnopolitical processes in the western regions of Belarus were influenced by the settlers – Poles loyal to the authorities, who received land and key administrative positions in the region in question during the interwar period, and the easterners – Soviet and party officials sent here to work. Not only interethnic relations were transformed, but also interfaith relations.

Key words: West Belarusian region, migration, deportation, refugees, settlers, easterners, interethnic relations, interfaith relations.

Введение

Особое место в истории Беларуси занимает ее западный регион. По политическому, социально-экономическому, конфессиональному и национальному положению он существенно отличался от остальной территории БССР. Об особенностях западнобелорусского региона писал, например, польский историк Ю. Туронок: «В людском сознании остались очень глубокие принципиальные различия между Беларусью Западной и Восточной. Это ярко проявилось во время оккупации: по обеим сторонам бывшей границы господствовали различные общественные отношения, разные на-

строения и поведение населения, разный удельный вес и взаимоотношения политических факторов и группировок» [1, с. 4].

Западные области Беларуси в контексте мировой истории всегда были населены представителями разных народов, исповадовавших различные религии. Приграничное положение определило полиэтнический, поликонфессиональный состав региона, который изменялся в зависимости от исторических условий. Большинство населения здесь составляли белорусы, этническим меньшинством были поляки, украинцы, русские, евреи. Однако необходимо учитывать исторический контекст – в большинстве белорусы были крестьянским населением, не влиявшим на принятие ключевых политических решений в Польском государстве. При этом в 1921–1939 гг. поляки, находясь в численном меньшинстве, занимали привилегированное положение:

Научный руководитель – Владимир Васильевич Зданович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

их доля в управленческом, полицейско-административном аппарате доходила до 80 %. В городах большой процент населения составляли евреи, которые были активно задействованы в экономике.

Так, в Полесском воеводстве в 1939 г. еврейских собственников в промышленности было 59,6 %, в торговле – 70,9 %, в ремесле – 76,1 % [2, с. 22]. Большинство исследователей, занимающихся вопросом развития Западной Беларуси в 1921–1939 гг., отмечают, что многие местные жители не в полной мере определяли свою национальную идентичность, относили себя к «тутэйшым». Влияние белорусского национально-го движения 1921–1939 гг. с одной стороны и процессов полонизации с другой стороны привело к тому, что к сентябрю 1939 г. этноконфессиональная ситуация в западных областях Беларуси была динамичной: население региона можно охарактеризовать как неоднородное по этническому и социальному составу, а также с точки зрения правового положения. При изучении этого периода необходимо учитывать национальные особенности отдельных регионов: например, в Белостокском районе преобладало польское население, а Столинщина, Пинщина отличались высоким процентом еврейского населения [2, с. 17].

Изменения геополитической обстановки (начало Второй мировой войны, установление советской власти в регионе) привели к трансформации межнациональных отношений, что выразилось в обострении существующих проблем, изменении социального положения представителей различных национальностей, появлении определенной диспропорции во властных структурах между этническими группами (евреи – белорусы, русские, украинцы; поляки – белорусы, русские, украинцы; евреи – поляки). Официально советская власть провозглашала равенство всех народов, придерживалась в своих заявлениях идеологии интернационализма. При этом именно белорусы и украинцы рассматривались как угнетаемые народы, в отношении которых была восстановлена историческая справедливость после похода Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину. Поляки же воспринимались советской властью с недоверием, как бывшие эксплуататоры. Относительно еврейского населения политика

советских властей в 1939–1941 гг. была крайне изменчива: от очевидного покровительства до репрессивных мер. Специалисты по еврейскому вопросу отмечают маргинализацию еврейского населения после прихода советской власти, однако, на наш взгляд, этот термин в какой-то мере можно применять и к другим этническим группам [3; 4]. Не только евреи в этот период находились в «пограничном» положении: перестройка всей общественной системы привела к социальным трансформациям, утере целыми этническими группами (например, поляками) своего прежнего статуса в обществе и открытию новых возможностей для белорусов, украинцев, русских, евреев занять более высокое положение в социальной иерархии. Политические изменения открыли для них новые каналы социальной мобильности, при этом старые «социальные лифты» теряли свою актуальность. Например, для жителей Западной Беларуси одним из немногих «социальных лифтов» была трудовая миграция в Европу, Северную и Южную Америку. Это позволяло белорусам улучшать материальное положение своих семей [5]. После прихода советской власти этот вид миграции стал недоступен, зато открылись другие способы изменить свой социальный статус. Так, вне зависимости от этнической принадлежности жители западнобелорусского региона испытали на себе все сложности переходного положения, связанные с изменением политической конъюнктуры.

Межнациональные и межконфессиональные отношения

Начало Второй мировой войны дало толчок активным миграционным процессам на территории Западной Беларуси. В 1939–1941 гг. проходило несколько миграционных потоков. В первый вошли беженцы преимущественно еврейской и в меньшей степени польской национальности, переселившиеся из центральных и западных районов Польши и Литвы на восток страны, включая территорию Западной Украины и Западной Беларуси.

Переселение беженцев проходило двумя волнами: в конце 1939 г. (добровольное) и в 1940 г. (принудительное). По подсчетам Д. М. Толочко, «к концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло

порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши. Подавляющее большинство из них составляли представители еврейской и в меньшей степени польской, белорусской, украинской и др. национальностей. Социальный состав беженцев отличался значительной пестротой: рабочие, кустари, бывшие служащие, торговцы и др. В течение второй половины октября 1939 г. – начала ноября 1939 г. в восточные области республики было направлено 23 602 беженца» [6, с. 14].

Исходя из текстов официальных советских и партийных документов того времени, содержащих понятие «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши», можно констатировать, что власти СССР включали в эту категорию тех, кто до сентября 1939 г. постоянно проживал в центральных и западных районах Польши и в Литве, а затем в силу различных причин оказался на территории, отошедшей в сферу влияния СССР [7, л. 1–3]. Большая часть беженцев по национальности были евреями [8, л. 75–77]. Это увеличило численность еврейского населения, которое и так было значительным: доля евреев в западнобелорусских городах и местечках в 1941 г. была от 30 до 60 % [3, с. 579].

Массовое прибытие беженцев на приграничные территории, несмотря на попытки местных органов власти трудоустроить, обеспечить их жильем, имело ряд негативных последствий: постепенное ухудшение санитарного состояния, общей обстановки в городах, обострение экономической ситуации (увеличение дефицита товаров, значительный рост цен). Это привело к возрастанию антисемитских настроений среди всех этнических групп, проживавших в регионе [9, л. 214–215]. Особенно остро складывались отношения между евреями и поляками. В ноябре 1939 г. в отчетах НКВД о контрреволюционной деятельности есть сведения о распространении листовок с лозунгами «Поляки, не давайте русифицироваться, будьте поляками и католиками, долой евреев и большевиков!», «Да здравствует Польша, долой большевиков, евреи вон, да здравствует свобода Польши!» [10, л. 140].

Иную ситуацию можно было наблюдать в районах с большим процентом местного еврейского населения. Еврейские общины оказывали беженцам материальную

помощь, помогали устраиваться. Некоторые местные жители удивлялись их приезду, не понимали, почему они бегут в СССР. Органы НКВД отмечали следующие высказывания: «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара и вообще ничего нет...», «Этим приезжающим к нам беженцам у нас будет плохо, у нас они не будут обеспечены, как жили раньше...» [11, л. 228].

В документальных источниках прослеживается прямая зависимость между восприятием советской властью той или иной этнической группы и изменениями в межнациональных отношениях в регионе. Например, к еврейскому населению у советской власти изначально было лояльное отношение, процент евреев в органах советской власти в 1939–1940 гг. был значительным [12]. Это можно объяснить тем, что евреи в большей степени составляли городское население, имели образование, чаще занимали должности служащих, рабочих. Многие евреи приветствовали приход советской власти, что помогло им остаться на своих прежних местах. Это вызывало определенное недовольство среди представителей других национальностей, отмечались высказывания про «засилье евреев» [13, л. 25].

Впоследствии отношение к евреям начнет меняться, особенно с ростом числа беженцев. Отмечался бытовой антисемитизм, что подтверждается многочисленными документальными источниками [14, л. 6, 8, 12; 15, л. 5–9]. Однако и у евреев наступило некое разочарование советской властью. Это можно подтвердить тем, что многие к 1941 г. хотели выехать за пределы СССР. Перед началом Великой Отечественной войны сложилась парадоксальная ситуация: со стороны Польши прибывали беженцы, которые бежали от фашистской Германии, а буквально навстречу им пытались выехать те, кто бежал от советской власти [16; 17]. Обе эти группы до конца не понимали мотивов друг друга. Западная Беларусь для них оказалась своеобразным перевалочным пунктом, приграничьем, где решалась их судьба. Им пришлось делать выбор, и для многих он оказался жизнеопределяющим. Вероятно, решение остаться в Советском Союзе оставляло больше шансов выжить,

давало надежду на последующую эвакуацию вглубь СССР.

Еще одним фактором, который повлиял на изменения этноконфессиональных отношений, было прибытие «восточников» в Западную Беларусь. В первую очередь это были кадры для формирования управленческой элиты, органов НКВД, милиции. Центральный комитет КП(б)Б в 1940 г. заявлял о 16 359 работников, направленных в западные области БССР. Только 937 из них были белорусами (около 6 % от общего их количества). Значительную долю среди «восточников» занимали русские и евреи (в отношении последних это лишь усилило антисемитские настроения среди местного населения) [18, л. 22]. По мере занятия руководящих постов «восточники» вызывали некоторое раздражение у местных жителей. Усугубляли межэтническое напряжение квартирный вопрос (нехватка жилья в регионе) и девиантное поведение некоторых «восточников». Они транслировали новые правила, в т. ч. антирелигиозную политику, что вызывало непонимание у многих местных жителей [19, л. 7, 11–12].

Более напряженными были отношения между «восточниками» и поляками. В документальных источниках фиксируются радикальные высказывания со стороны «восточников» по отношению к полякам как к этнической категории: «Мы в 1920 г. расстреливали поляков и теперь будем расстреливать...» [20, л. 91].

По мере установления советской власти отношения между поляками и другими этническими группами стали более уравновешенными, чему способствовала политика «коренизации» (выдвижение местных кадров, более внимательный учет национальных особенностей регионов) [21, л. 19, 21; 22, л. 71–73. К 1940 г. советской властью в этом вопросе были поставлены четкие задачи: разборчиво выдвигать местные кадры, активнее принимать на работу белорусов, но при этом не игнорировать поляков и евреев [10, л. 34]. Отбор местного населения по национальному составу проводился с учетом специфики регионов: например, если среди населения преобладали поляки, рекомендовалось на руководящие посты брать именно поляков. С учетом того, что западные области Беларуси отличались многонациональностью, можно было встретить такую

расстановку кадров по национальному составу: директор польской школы – белорус, завуч – русский, пионервожатый – еврей [23, л. 84].

В период 1939–1941 гг. обострились отношения между польским и белорусским населением, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере это вылилось в откровенное противостояние. Вызвано оно было тем, что для подавляющего большинства польского населения польская государственность представляла (при всех недостатках ее реализации) абсолютную ценность. Для сознания местного польского населения было непонятно нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть.

Важно отметить, что политика советских властей не носила ярко выраженного антипольского характера, не была связана с разжиганием межнационального противостояния. В то же время советское правительство, руководствуясь провозглашенными тезисами «об освобождении белорусского народа», не стремилось ограничивать представителей белорусского населения в их проявлении враждебности к полякам – прежде всего осадникам и чиновникам.

Ситуация обострялась проводимой политикой выселения неблагонадежного населения, которая коснулась в первую очередь польских осадников. Проведение открытых и латентных репрессий со стороны советской администрации обнажило скрытые межэтнические конфликты, которые аккумулировались годами еще при польской администрации. Так, отношения с поляками значительно ухудшились. Многие из них работали на польскую власть, были осадниками, жандармами, полицейскими, служили в польской армии. После прихода советской власти часть из них была арестована, члены их семей попали в поле зрения властей.

Обострение межэтнической ситуации хорошо прослеживается на фоне проведения депортаций осадников и лесников. Местное население, в основной массе бедняки, активно участвовало в выселении, учете и разделе имущества высланных [7, л. 3]. Исходя из анализа имеющихся документов, опубликованных воспоминаний, стоит отметить, что, здесь большую роль играло социальное положение, чем этническое. Негативное

отношение было именно к осадникам, представителям бывшей польской администрации, а не к полякам как этнической группе [7, л. 1–2].

С приходом советской власти произошла трансформация не только межнациональных, но и межконфессиональных отношений. Антирелигиозная политика, распространенная в БССР, изменила положение конфессий вне зависимости от их вида. Проводимые культурные изменения и национализация ослабили позиции всех конфессий, однако не уничтожили их полностью. Антирелигиозная политика проводилась осторожно, т. к. опыт политики «воинствующего атеизма» не принес желаемых результатов, а, наоборот, мог внести раскол в обществе, что в условиях приближающейся войны было недопустимо [24, с. 39–40].

Некоторые исследователи истории Западной Беларуси 1921–1939 гг. отмечают связь между этнической и конфессиональной принадлежностью населения [25, с. 134]. После включения западных областей Беларуси в состав БССР эта зависимость стала более явной, перешла в плоскость обыденного восприятия. У многих жителей БССР укоренилось представление, что католики – это обязательно поляки по национальности, русские, белорусы и украинцы – православные, а евреи – это иудеи. Если иудаизм действительно был национальной религией евреев, то христианство, являясь мировой религией, обладая эгалитарностью, не соотносилось с какой-либо конкретной нацией. В 1939–1941 гг. не все поляки были католиками и не все белорусы, русские, украинцы были православными. Например, в межвоенный период на территории западных областей Беларуси действовало движение православных поляков, созданное по инициативе государственных властей. Его направленность на ассимиляцию православного населения Западной Беларуси и насильственный характер не привели к широкой популярности среди местного населения, однако сам факт его существования опровергает стереотип о равенстве между конфессиональной и национальной принадлежностью [25, с. 136–137]. Стереотип «католик – поляк», «белорус – православный» привел к искажению восприятия этно-

конфессиональных групп. Нарастанию межконфессиональной напряженности между православными и неправославными способствовало более лояльное отношение советской власти к православной церкви, вызванное возможностью ее контроля вследствие перехода под юрисдикцию Московского Патриархата.

Заключение

Таким образом, на территории Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны происходили массовые внутренние и внешние миграционные процессы. В результате польское присутствие, преобладавшее до 1939 г. в западной части Беларуси, сменилось усилением белорусского и русского. Начался интенсивный миграционный поток, прежде всего российских военных и партийных работников, создавший иную социокультурную и этническую реальность.

На этнополитические процессы в западных областях Беларуси оказывали осадники (лояльные властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности в рассматриваемом регионе), и «восточники» (советские и партийные служащие, направленные сюда на работу). Отношения между польским и белорусским населением в период 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние.

Конфронтационный характер в отношениях поляков (титульного этноса в Польском государстве, однако находящегося на западнобелорусских землях в численном меньшинстве) и белорусов (коренного большинства населения) не удалось преодолеть.

В условиях новых политических реалий стало очевидным, что традиционные конфессиональные различия, такие как православие и католицизм, присутствие еврейского населения, стали предметом манипуляций со стороны власти. Этнические и религиозные идентичности подверглись ослаблению, а в некоторых случаях и целенаправленным репрессиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак ; пер. з пол. В. Ждановіч ; камент. А. М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.
2. Вабищевич, А. Н. Западноукраинские и западнобелорусские земли накануне Второй мировой войны / А. Н. Вабищевич // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы : сб. науч. работ. – СПб., 2014. – С. 7–24.
3. Розенблат, Е. С. Советизация Западной Беларуси в 1939–1941 гг. и процесс маргинализации еврейского населения / Е. С. Розенблат // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2017. – С. 579–587.
4. Карпенкина, Я. В. «Паспортизация» еврейского населения в Западной Белоруссии (1940–1941 гг.) / Я. В. Карпенкина // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике : сб. науч. ст. / отв. ред. М. М. Членов. – М., 2018. – Вып. 18. – С. 160–172.
5. Зональный государственный архив г. Барановичи (ЗГАБар). – Ф. 139. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.
6. Толочко, Д. М. Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Толочко ; БГУ. – Минск, 2007. – 22 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф 4п. Оп. 1. Д. 16946. Л. 13.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14728. Л. 262.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14697. Л. 410.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14617. Л. 147.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14616. Л. 282.
12. ЗГАБар. – Ф. 162. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
13. ЗГАБар. – Ф. 139. Оп. 3. Д. 12. Л. 34.
14. ЗГАБар. – Ф. 139. Оп. 1 Д. 10. Л. 8.
15. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 167 Л. 64.
16. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 1176. Оп. 1. Д. 108. Л. 8.
17. ГАГр. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16922. Л. 89.
19. ГАГр. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
20. ГАБр. – Ф. 2п. Оп. 1а. Д. 51. Л. 134.
21. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 165. Л. 202.
22. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 159. Л. 86.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14950. Л. 127.
24. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
25. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2019. – 207 с.

REFERENCES

1. Turonak, Yu. Belarus' pad niamieckaj akupacyjaj / Yu. Turonak ; pier. z pol. V. Zhdanovich ; kamient. A. M. Litvina. – Minsk : Bielarus', 1993. – 236 s.
2. Vabishchievich, A. N. Zapadnoukrainskije i zapadnobielorusskije ziemli nakanunie Vtoroj mirovoj vojny / A. N. Vabishchievich // Zapadnaja Bielorusija i Zapadnaja Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytija, dokumienty : sb. nauch. rabot. – SPb., 2014. – S. 7–24.
3. Rozienblat, Ye. S. Sovietizacija Zapadnoj Bielarusi v 1939–1941 gg. i process marginalizacii jevriejskogo nasielienija / Ye. S. Rozienblat // Epokha socialistichieskoj riekonstrukcii : idiei, mify i programmy social'nykh prieobrazovanij : sb. nauch. tr. / gl. ried. L. N. Mazur. – Jekatierinburg, 2017. – S. 579–587.

4. Karpienkina, Ya. V. «Pasportizacija» jevriejskogo nasielienija v Zapadnoj Bielorusii (1940–1941 gg.) / Ya. V. Karpienkina // Tirosh. Trudy po iudaikie, slavistike, orijentalistike : sb. nauch. st. / otv. ried. M. M. Chlienov. – M., 2018. – Vyp. 18. – S. 160–172.
5. Zonal'nyj gosudarstviennyj arkhiv g. Baranovichi (ZGABar). – F. 139. Op. 3. D. 1. L. 2.
6. Tolochko, D. M. Biezhieny iz Pol'shi v BSSR (sientabr' 1939 – ijun' 1941 gg.) : avtorief. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / D. M. Tolochko ; BGU. – Minsk, 2007. – 22 s.
7. Nacional'nyj arkhiv Rjespubliki Bielarus'. – F 4p. Op. 1. D. 16946. L. 13.
8. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14728. L. 262.
9. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14697. L. 410.
10. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14617. L. 147.
11. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14616. L. 282.
12. ZGABar. – F. 162. Op. 1. D. 4. L. 16.
13. ZGABar. – F. 139. Op. 3. D. 12. L. 34.
14. ZGABar. – F. 139. Op. 1 D. 10. L. 8.
15. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 167. L. 64.
16. Gosudarstviennyj arkhiv Grodnienskoj oblasti (GAGr). – F. 1176. Op. 1. D. 108. L. 8.
17. GAGr. – F. 1339. Op.1. D. 68. L. 4.
18. NARB. – F. 4p. Op.1. D. 16922. L. 89.
19. GAGr. – F. 300. Op. 1. D. 1. L. 17.
20. GABr. – F. 2p. Op. 1a. D. 51. L. 134.
21. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 165. L. 202.
22. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 159. L. 86.
23. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14950. L. 127.
24. Rizhskij mir v sud'bie bieloruskogo naroda. 1921–1953 gg. : v 2 kn. / Nac. akad. nauk Bielarusi, In-t istorii / riedkol.: A. A. Kovalienia [i dr.]. – Minsk : Bielarus. navuka, 2014. – Kn. 2. – 335 s.
25. Samosiuk, N. V. Diejatiel'nost' Pravoslavnoj cerkvi kak faktor razvitija kul'turnoj identichnosti nasielienija Zapadnoj Bielarusi (1921–1939 gg.) : monografija / N. V. Samosiuk ; Briest. gos. un-t im. A. S. Pushkina. – Briest : BrGU, 2019. – 207 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.11.2024